

³³ Сравнение российской эмиграции с другими эмиграциями из тоталитарных стран проводилось по рассмотренным параметрам в сводных аналитических документах французской политической полиции: Prefecture de Police, Cabinet du Prefet Archives. BA 1681.

³⁴ *Сабенникова И.В.* География общественной мысли русского зарубежья // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009.

³⁵ См. материалы «круглых столов»: Февральская революция 1917 года в российской истории // Отечественная история. 2007. № 5; Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания // Отечественная история. 2008. № 6.

³⁶ *Мосейкина М.Н.* Славянский комитет СССР и латиноамериканская ветвь русской эмиграции: Связь и проблемы // Вторые Нансеновские чтения. СПб., 2009.

³⁷ См.: Российский либерализм: теория, программатика, практика, персоналии. Орел, 2009.

³⁸ *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993.

³⁹ Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. М., 1997.

⁴⁰ Подробнее см.: 100-летие «Вех». Интеллигенция и власть в России. 1909–2009 // Российская история. 2009. № 6. С. 106–124.

⁴¹ Подробнее о деятельности Земгора и его архиве см.: *Сабенникова И.В.* Земско-городской комитет помощи русским беженцам за границей (Земгор): состав, структура и географические центры // Зарубежная Россия: 1917–1939. СПб., 2000.

⁴² *Попов А.В.* Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998.

⁴³ Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. Материалы международной научно-теоретической конференции. СПб., 2009.

⁴⁴ Проблематика положения российских диаспор в Европе первой половины XX в. широко представлена в материалах конференций: Первые Нансеновские чтения. СПб., 2008; Вторые Нансеновские чтения.

© 2010 г. **М. Н. МОСЕЙКИНА ***

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В 1920–1930-х годах

Послереволюционная волна русских переселенцев за океан в поисках свободных земель и занятости направлялась из Южной Европы, Турции, с Балканского полуострова, Дальнего Востока. Она состояла главным образом из представителей высшего офицерства царской и белой армий и флота, духовенства, интеллигенции, казачества, крестьянского населения. Что касается трудовой эмиграции, то из Советской России в 1920-х гг. она фактически прекратилась, оставаясь значительной с тех территорий бывшей Российской империи, которые не вошли в состав СССР (Польша, включая Западную Украину и Западную Белоруссию, Литва, Эстония и др.). Основными странами расселения эмигрантов оставались Бразилия, Аргентина, Парагвай, Уругвай. Некоторые выходцы из России оказались в эти годы в Коста-Рике, Перу, Мексике, Никарагуа, Боливии, Чили. Очередная волна колонизационного движения в Южной Америке совпала с новой, послереволюционной волной русской эмиграции, когда данная проблема приобрела международный характер, а вопросами расселения в условиях отсутствия дипломатической поддержки беженцев за пределами европейского континента занимались Российский союз земств и городов (Земгор), Лига Наций, Колонизационный отдел международного общества Красного Креста и другие организации.

* **Мосейкина** Марина Николаевна, кандидат исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов.

9 января 1921 г. главнокомандующим Русской армией генералом бароном П.Н. Врангелем по инициативе Центрального Объединенного Комитета был учрежден Эмиграционный совет (впоследствии переименованный в Совет по расселению русских беженцев), задачей которого являлось объединение правительственных и общественных органов и частных групп беженцев в общей работе по организации и руководству всем делом русской эмиграции. В состав Совета входил специалист по вопросам эмиграции в Южную Америку Л. де Берри.

При обсуждении плана эмиграции Совет пришел к заключению, что русские должны быть расселены в первую очередь в европейских, главным образом в славянских странах и лишь затем – в странах внеевропейских. Из неевропейских стран на тот момент, по данным французского командования, выяснилась реальная возможность переселения лишь в Бразилию (штат Сан-Пауло) до 10 тыс. русских беженцев, в Перу – до 1 тыс. и на остров Мадагаскар – 200 человек, однако и здесь возникли значительные затруднения. Так, правительство Франции по соображениям экономии государственных средств готово было направлять в указанные страны лишь тех из русских беженцев, которые состояли «на французском пайке» и категорически отказало в перевозке беженцев других категорий. Вторым затруднением являлось отсутствие определенных сведений об условиях, в которых предстояло жить и работать русским беженцам в указанных странах. По поступающим отрывочным данным Совет пришел к заключению, что русских переселенцев в Бразилии, Перу и на острове Мадагаскар ожидала участь чернорабочих на частных и общественных землях безо всякой надежды сделаться самостоятельными колонистами-собственниками и тем самым обеспечить себе свободное существование. Наконец, третьим затруднением являлось то, что в состав переселенцев на латиноамериканские земли могли быть включены лишь сельскохозяйственные рабочие и их семьи, но ни в коем случае не люди интеллигентных профессий. В отношении Бразилии, кроме того, существовала угроза отправки обратно.

Чтобы люди принимали обдуманное решение при переселении в заокеанские страны, Совет считал своим долгом продолжить сбор и распространение сведений о странах иммиграции. В конце марта 1921 г. вышел в свет первый сборник, в котором были опубликованы сведения по Аргентине, Бразилии, Канаде; в лагерях гражданских беженцев были организованы лекции. Совет признал также крайне желательным до начала массового переселения в Бразилию отправить туда специальную группу для обследования не только штата Сан-Пауло, но и других государств Южной Америки.

Информацию об условиях проживания в латиноамериканских странах представители Совета пытались получить от российских дипломатов, еще остававшихся в этих странах. Так, например, относительно Бразилии в письме бывшего российского генерального консула в Рио-де-Жанейро на имя председателя Эмиграционного совета от 7 марта 1921 г., отмечалось, что постановка эмиграционного дела в этой стране не могла считаться хорошо организованной и что прибывавшие сюда эмигранты долгое время терпели большие неудобства и лишения, прежде чем удавалось обустроить отведенный им участок земли и получить с него достаточно продуктов для пропитания своих семейств. Кроме того, как отмечалось в письме, особенности климата, непривычные условия труда на земле и трудности со сбытом «могущего оказаться в избытке количества продуктов ставят эмигрантов надолго в трудное и вполне зависимое положение, которое способствует эксплуатации их как местными властями, так и соседними жителями»¹. Бывший консул настаивал на том, чтобы перед отправкой людей было достигнуто предварительное соглашение с правительством Соединенных Штатов Бразильской Республики по всем вопросам колонизации российских беженцев, особенно в части предоставления льготных условий их расселения и устройства на местах. Кроме того, в условиях отсутствия у российской стороны дипломатического или консульского представительства предлагалось официально поставить под защиту интересы русских и обеспечить покровительство им со стороны какой-либо европейской державы, например Франции.

В другом своем письме от 3 мая 1921 г. на имя председателя Бюро Совета по расселению русских беженцев Г. Брандта консул отмечал, что «не следует считать, что русские люди, даже осевшие на земле, приобретенной ими в собственность, окончательно для России потеряны». «Оставаясь в отдаленных, мало населенных местностях внутреннего Бразильского плоскогорья, среди населения менее культурного, чем они сами, они сохраняют свою самобытность, или даже среди польско-русских поселений, где культурное ядро скоро начинает нивелировать их... Оставаясь в своем кругу и среди бразильцев, имея свое духовенство и даже своего учителя, как в Рио Гранде до Суль, они остаются русскими также прочно, как германские колонисты Штата Санта-Катарина остаются немцами, и при возникновении благоприятных условий они могут с пользою возвратиться на родину»².

В решении столь сложного вопроса как переселение эмигрантов за океан Совет обратился за помощью к Земгору и Главному управлению Российского общества Красного Креста (РОКК) в Париже с просьбой принять самые энергичные меры к получению разрешения на право переселения не только лиц, состоявших на «французском пайке», но и всех других беженцев, желавших эмигрировать, и к обеспечению для русских переселенцев в Бразилии возможности сделаться там самостоятельными хозяевами-собственниками. Одновременно Совет признал необходимым в случае массового переселения в Бразилию учредить в этих странах представительство для защиты русских беженцев (что, как известно, так и не удалось реализовать, и русские продолжали оставаться беззащитными).

В «Бюллетене Российского земско-городского Комитета помощи беженцам» за 1921 г. отмечалось: «Полуголодное существование в лагерях при уменьшенном пайке, а затем и сведения о результатах первых отправок солдат и казаков в Советскую Россию, о трагической судьбе многих уехавших – эти два момента оказались решающими в настроениях беженской массы. Безвыходность положения, отсутствие перспектив и надежд получить скоро заработок заставили многих, наиболее энергичных и сильных, искать нового счастья в новых заокеанских странах»³. В их числе было много лиц со средним и высшим техническим образованием, а также сельскохозяйственных рабочих.

Первыми послереволюционными переселенцами в Бразилию стали белогвардейцы-врангелевцы, которых Лига Наций за свой счет отправила из Турции (Галлиполи). В июне 1921 г. на пароходе «Аквитания» выехала первая группа врангелевцев во главе с полковником А.П. Брагиным (около 400 человек). В июле 1921 г. была отправлена вторая группа приблизительно такого же состава во главе с полковником В.Г. Фежи-Желинским. Вслед за представителями Белого движения на латиноамериканский континент начали прибывать русские, украинцы, белорусы из Прибалтики, Польши, Румынии, где оказались закрыты многие русские организации, клубы, школы, а в ряде случаев и православные церкви. В эти и последующие годы значительная группа эмигрантов прибыла в регион также с Дальнего Востока. Вместе с врангелевцами они составили культурное ядро русской колонии в ряде стран Латинской Америки.

За поддержкой в деле организации переселения эмигрантов Совет по расселению русских беженцев обратился также к представителю РОКК при международных организациях в Женеве Ю.И. Ладыженскому с просьбой поднять этот вопрос в Комитете Международного общества Красного Креста в Женеве, а также предпринять шаги к тому, чтобы этой проблеме было уделено должное внимание в Лиге Наций. Это было важно, так как в Совет частным образом поступали сведения о чрезвычайно неблагоприятных условиях, в которых оказалась в Бразилии первая группа русских беженцев, вследствие чего из 400 человек 229 не были приняты и вернулись обратно⁴. В результате проблема расселения и трудоустройства русских беженцев в странах Латинской Америки оказалась в центре внимания Верховного комиссариата по делам русских беженцев.

Новый всплеск интереса к переселению в заокеанские страны пришелся на вторую половину 1920-х гг., когда из Турции были выселены представители российской эми-

рации. Советская Россия вышла к тому времени из полосы дипломатической изоляции, а в странах Западной Европы вслед за стабилизацией европейского рынка труда около 200 тыс. российских беженцев остались без работы. Во многом по этим причинам была проведена структурная реорганизация органов Лиги Наций по беженскому вопросу: Верховный комиссар беженцев был переведен из прямого подчинения Секретариату Лиги Наций в Международное бюро труда (МБТ), в ведение которого с 1 января 1925 г. перешло трудоустройство беженцев, включая их переселение в Южную Америку. Инициатива осуществления подобной акции исходила от директора МБТ А. Тома. Его план предусматривал использование земельных пространств Южной Америки с целью сельскохозяйственной колонизации «для расселения русских беженцев, находящихся в избытке в Европе»⁵.

Активное содействие делу подготовки и отправки людей за океан оказывал в эти годы эксперт Лиги Наций по делам беженцев К.Н. Гулькевич. В своем письме председателю Русского колонизационного товарищества в Берлине Б. Солодовникову он писал: «Надежда на скорое возвращение на родину потеряна. Государства Европы тяготеют русской эмиграцией. Положение самих эмигрантов ухудшается. Растет преступность и проституция. Кочевой образ жизни эмиграции пагубно отражается на воспитании и образовании подрастающего поколения. А между тем значительный процент русских эмигрантов обладает научным, административным или хозяйственным стажем, а революция и беженство научили многих и физическому труду... Поэтому единственный выход для тех, кто не может вернуться на родину, это колонизация»⁶.

На этом этапе к переселенческому вопросу подключились возникшие в разных странах русского рассеяния колонизационные общества, создаваемые самими эмигрантами. В их числе Русское колонизационное общество в Белграде (председатель А.П. Пилкин), в Праге – Русская земледельческая колония (председатель кн. П.Д. Долгорукий, секретарь С.В. Маракуев) и Общество русских эмигрантов для переселения в Южную Америку, Русское колонизационное товарищество в Берлине (председатель Б.И. Солодовников), отдел колонизации при Земгоре во главе с кн. В.А. Оболенским и В.И. Выборовым в Париже, Комитет по содействию русским иммигрантам (председатель А.П. Пилкин) в Парагвае. Некий «особый синдикат в Польше» получил на льготных условиях крупную земельную концессию в Перу, обсуждался аналогичный вопрос по Боливии. В задачу колонизационных обществ входили агитационная кампания, регистрация семей и содействие их переселению за океан с целью создания там земледельческих хозяйств. Параллельно вербовкой русских переселенцев в Аргентину, Бразилию и другие страны занимались их консулы в Европе, частные колонизационные общества в странах Латинской Америки (обычно с участием тамошних русских иммигрантов, как, например, общество «Новая земля» в Аргентине (председатель А.А. Егоров), бразильская компания Северной Параны (российский представитель компании Б.Я. Кисверк), английская компания Brazil Land cattle&packing Company и ее представитель в Сан-Пауло контора Empresa Colonizadora во главе с русским иммигрантом Н. Даховым).

Пропаганда в пользу переселения была рассчитана прежде всего на казачество и лиц, родившихся в казачьих областях и связанных с хлебопашеством. Правительства латиноамериканских стран рассматривали данный состав эмигрантов как наиболее благоприятный и потому принимали колонизацию «по признаку казачьей самобытности» (т.е. допускалось ношение формы, оружия, сохранялось казачье самоуправление и т.д.), что облегчало адаптацию казаков, переселявшихся чаще всего организованно и так же компактно расселявшихся. Благоприятная политика в отношении казачества в Перу, например, привела к тому, что колония «Перуанско-Кубанская станица», образовавшаяся там в начале 1930-х гг., очень скоро перешла под юрисдикцию государства.

В результате после окончания Гражданской войны многочисленной оставалась трудовая иммиграция из крестьян, прежде всего западных и юго-западных губерний России. В Аргентине наряду с имевшимися появились новые земледельческие колонии русских переселенцев: в провинции Буэнос-Айрес (колония «Русо бланко» из 500 быв-

ших солдат и русских крестьян из государств-лимитрофов), аргентинском Чако (районы Чарата и Ломитас), в Патагонии (бассейн р. Негро). В 1926 г. после предварительной переписки с делегатом МБТ в Южной Америке в Аргентину прибыла группа земледельцев, руководимая В.В. Лежневым, которая в районе Ла-Пампа приобрела более 3 тыс. га целинной земли. Основные группы крестьян селились на казенных землях, где находились на положении арендаторов или батраков. Средние хозяйства включали от 20 до 50 га земли. Землю можно было купить в рассрочку на 8 лет.

Но в основном эмигрантам, переселявшимся в Аргентину, приходилось браться за промышленный труд. Правительство за государственный счет отправляло их в самые отдаленные места страны – на север или юг Аргентины (районы Патагонии, Чако, Тукумана), но и там представителям индустриальной иммиграции было довольно сложно найти применение своим силам. Многие были вынуждены выполнять тяжелые и низкооплачиваемые работы (на период с 1900 по 1924 г. специалисты-иммигранты составляли 8,6%, а низкоквалифицированные – 91,4%). Большое число иммигрантов работало на строительстве железных дорог и в железнодорожных мастерских. В период сельскохозяйственных работ широко использовался труд сезонных рабочих. Иммигранты были заняты в крупных хозяйствах зернового направления, а также на работах по уходу за скотом и в скотобойнях на юге страны, на плантациях сахарного тростника и по вырубке диких деревьев (кебрачо) на севере страны.

В городах сохранялся также ограниченный доступ специалистам-иммигрантам в правительственные учреждения и на государственные предприятия. Но некоторым все же удавалось устроиться по специальности и добиться успеха. Среди русских переселенцев были те, кто имел собственное дело: открывались русские парикмахерские, хлебопекарни, сапожные мастерские. Отдельные представители средних слоев занимались врачебной практикой, адвокатурой, работали инженерами, переводчиками и банковскими служащими в казенных и частных учреждениях. Были богатые владельцы. В их числе Е.А. Рогов (предприниматель, имевший фабрики в Аргентине, Франции, Чили); Власов (миллионер, в прошлом крупный киевский банкир, владелец рыбного и торгового флота); бизнесмен Коптенко. Русские офицеры не принимались на аргентинскую службу в войсках, но оказались востребованы офицеры-специалисты. Так, например, военный инженер, георгиевский кавалер, генерал А.В. Шварц являлся профессором фортификации в Аргентинской военной академии. Русский физик, педагог генерал А.А. Бейер был консультантом при лаборатории газового завода в Буэнос-Айресе. Бывший саперный офицер Воронцов-Веньяминов служил инженером-строителем в военном министерстве Аргентины. Бывший морской офицер, капитан 1-го ранга Б.К. Шуберт работал переводчиком технической литературы в аргентинском Морском министерстве. Его жена, балерина, долгое время танцевала в государственном оперном театре «Колон» в Буэнос-Айресе.

Были и другие удачные примеры. Так, например, петербургский филолог А.М. Пульман получил должность профессора Университета в Буэнос-Айресе. Русский офицер П. Шостаковский, прибывший в Южную Америку в качестве директора филиала общества «Фиат-Аргентина», стал членом аргентинского Общества писателей, выступал с лекциями по русской литературе в Свободном институте высших знаний. Известно также, что ситуацией с организацией переселения русских беженцев из Европы в Бразилию умело пользовались вербовщики, направлявшиеся национальным Союзом кофейных плантаторов (чаще всего это были сами эмигранты). В качестве условий предлагался бесплатный проезд и провоз багажа без ограничений в весе, а также 2-летний контракт на работу на кофейных плантациях. Вербовщики давали для ознакомления специально отпечатанную декларацию, где говорилось о трудностях с устройством на работу, которые могли встретиться переселенцу в Бразилии. Особо подчеркивались тяжелые условия работы на кофейных плантациях. В конце говорилось: «Прочитал, предупрежден, даю подписку не проситься обратно на родину за счет советского правительства»⁷. В 1926 г. по контракту с бразильским правительством для работ на кофейных плантациях за океан переселились русские эмигранты из Прибал-

тики (около 250 человек) и первая группа бессарабцев (250 человек) – русских выходцев из Румынии (вторая группа из 800 человек была возвращена обратно в Европу). С началом коллективизации и раскулачивания среди эмигрантов появились выселенные крестьяне, которые добирались в Бразилию в одиночку через Среднюю Азию, Индию и Дальний Восток. В 1933 г. на пароходе «Флорида», следовавшем из Индии в Южную Америку, оказались 55 таких эмигрантов, выходцев из Сибири, Семипалатинской, Вятской, Полтавской областей, а также из Туркестана и с Северного Кавказа. Общее число земледельцев, проживавших в штате Сан-Пауло, по разным данным, составляло 1–2 тыс. человек. В штате Риу-Гранди-ду-Сул русских насчитывалось по некоторым данным около 2 тыс. человек. Колонии имели свои школы, церкви, госпитали.

Отношение правительства Бразилии к рабочим эмигрантам было в целом благожелательным. По прибытии в страну они имели право бесплатно жить до 5 дней в эмигрантском доме, после чего их бесплатно везли к месту назначения⁸. Большинство приехавших поселились в Сан-Пауло. Этот штат рассматривался русскими как наиболее благоприятное место проживания, что было обусловлено, с одной стороны, более хорошим климатом (штат располагался на плоскогорье на высоте 700 м выше уровня моря), с другой – достаточным уровнем экономического развития штата в силу размещения здесь большого количества фабрик и заводов и, следовательно, лучшей оплатой труда. Однако именно здесь европейские эмигранты попадали в чрезвычайно тяжелые условия. Кофейные плантаторы, в чьих руках сосредоточивалась обычно вся власть, были заинтересованы в дополнительных рабочих руках, а не в широком освоении свободных земель своего штата. На плантации обычно был администратор, занимавшийся как полновластный хозяин наймом или увольнением их, руководивший сбором урожая, его сушкой и отправкой на железнодорожную станцию, где обычно имелось кофейноочистительное предприятие⁹.

Иная картина представляла в соседних штатах Парана, Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул, где отсутствовали кофейные плантации и потому колонистам, прибывавшим с целью осесть на местных землях, правительства штатов старались создать как можно лучшие условия. В Бразилии существовало понятие «колоно» – человек, обрабатывающий чужую землю по особому договору (мелкая аренда, ипотека) либо по договору за денежное вознаграждение. Русских также называли колоно, но сами они себя в разговоре называли колонистами. Жизнь в одной из таких земледельческих колоний – Бализа, находившейся в 700 км на запад от Сан-Пауло, описал в своих воспоминаниях И.Ф. Лихоманов. Здесь располагались земли, которые после вырубki девственного леса и очистки площадей в сотни алкеров под большие хозяйства, использовались под кофейные и банановые плантации, а также для выращивания сахарного тростника. Очищенный участок в течение 3–4 лет обычно давал хороший урожай, но потом приходил в негодность, и это заставляло людей приступать к вырубке новых участков.

К 1930 г. на Бализе было около 80 хуторов, где наряду с русскими (около 700 человек) жили немцы, болгары, эстонцы, испанцы, а также 13 японских семей. Каждый хуторянин имел не менее 5 алкеров земли. В условиях, в которых оказались колонисты, единственным развлечением были субботние и воскресные встречи на «патримонию» (своего рода место встречи не только хуторян, но и рабочих «колоно» с кофейных плантаций). Другим развлечением были местные свадьбы как еще один повод собраться всем вместе. Для молодежи развлечениями такого рода были танцы на «байле» (вечеринке) в частных домах под гармонь либо под бразильскую музыку, а также встречи на футбольном поле. Для многих спасение от монотонной, однообразной жизни было в религии, хотя и здесь оказалось немало трудностей. Священник приезжал в колонию из Сан-Пауло лишь раз в год, жил по 2–3 дня и за это время совершал таинства крещения, венчания, служил панихиды. Кроме православных на Бализе были 2 небольшие группы баптистов, которые своими песнопениями и молитвами, исполнявшимися на русском языке, привлекали людей. В результате многие православные стали баптистами¹⁰. В колонии наблюдалась высокая рождаемость, но одновременно и высокая

смертность среди детей, поскольку люди столкнулись с неизвестными болезнями. В колонии не было ни школы, ни врачебного пункта, ни аптеки. Все это сильно осложняло процесс адаптации прибывавших эмигрантов. Люди жили без лошадей, без коров, а следовательно, и без молока, так как существовала проблема с кормами, и не вся трава в лесах была съедобной для животных.

Возле Бализы работали более 60 русских семейств, привезенных из Бессарабии, Польши и прибалтийских республик. В этом же районе находились 3 кофейные плантации – «Санта Мария», «Бализа» и «Санта Сицилия», где также работали русские. Лихоманов описал условия проживания и работы на плантациях своих соотечественников: дома из пальм, обмазанных глиной и выбеленных, с земляными полами. Некоторые помещения были покрыты черепицей, некоторые – травой (осокой). Плата за труд была сдельная – за 1 тыс. кустов. «Колоносу» выдавалась заборная книжка, куда заносился перечень выданного инвентаря для работ в счет заработной платы. Работа на кофейных плантациях начиналась с восходом солнца, по колоколу. Тогда же появлялись вооруженные фискалы верхом на лошадях, подгонявшие людей на плантации.

Вербовщики набирали по контракту на 2 года многосемейных рабочих, чтобы работала вся семья, в том числе и дети 10–12 лет. Семья могла обработать от 7–8 тыс. кустов (у кого были взрослые дети – до 10 тыс.). Но в общей сложности получались «гроши», так как люди вынуждены были платить долги по заборной книжке. В случае болезни одного из членов семьи, фискал обеспечивал лекарством заболевшего в счет его зарплаты, а вместо него присылался бразилец, которому также нужно было заплатить по 5 мильрейсов в день, т.е. получалось «хуже штрафов». На плантациях был 1 выходной день, при этом православные церковные праздники здесь не признавались, и колонисты обязаны были выходить на работу и в праздничные дни¹¹.

Центрами сосредоточения городской трудовой иммиграции в Бразилии стали города Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло (вместе со штатом). В городах российские иммигранты брались за самую низкооплачиваемую работу, поскольку по бразильским законам именно людям интеллигентных профессий сложнее всего было устроиться. Рассчитывать на работу можно было лишь после сдачи государственного экзамена по специальности, при этом в правительственные учреждения иностранцам доступ был закрыт. Эмигранты пополняли ряды наемных работников в промышленности (больше всего на стройках в качестве чернорабочих), в сфере обслуживания. Дворяне и представители других привилегированных сословий, предприниматели, профессура и люди свободных профессий, но главным образом бывшие офицеры российской царской и белой армий, становились шоферами, официантами, прислугой и т.п. Позднее, изучив португальский язык, офицеры смогли получить места в Электрической, Телефонной или Газовой компаниях, которые в то время находились в руках англичан. Иностранные фирмы, как пишет Лихоманов, охотно принимали русских к себе на службу, убеждаясь в том, что они более серьезно относились к своим обязанностям и были более пунктуальны, нежели бразильцы. Многие устраивались чертежниками. В целом, как вспоминает Лихоманов, среди русских было много нуждающихся, особенно среди людей зрелого возраста. Подобная ситуация сохранялась вплоть до окончания Второй мировой войны, когда появились международные организации, приступившие к оказанию существенной помощи русским беженцам и эмигрантам¹².

Тем не менее определенной части эмигрантов удавалось завести собственное, преимущественно торговое или лечебное дело. Хотя меньше всего возможностей для трудоустройства по специальности было у представителей интеллигенции, все же среди членов русской колонии в Бразилии такие примеры были. Так, русский энтомолог М.Ф. Бондарь стал директором института по изучению какао в г. Багия. Педагог Е.В. Антипова, долгие годы занимавшаяся научной деятельностью, одна из создателей Общества Песталоцци в Бразилии, получила должность профессора Высшей педагогической школы в Bello Horizonte (штат Минас-Жерайс). Оказался востребованным в качестве художника кн. Павел Гагарин. Русская балерина Мария Оленева организова-

ла в 1920 г. балетную школу при муниципальном театре в Рио-де-Жанейро, а позднее, в 1940 г., такую же школу в Сан-Пауло.

Еще одной страной, благоприятной для русской колонизации, в начале 1920-х гг. Лигой Наций рассматривался Парагвай. В 1925 г. в провинции Энкарнасьон несколько сотен крестьянских семей из Волынской губ. основали колонию «Новая Волынь». В 1928 г. 500 малороссов, белорусов, поляков, чехов поселились в колонии «Фрам». Всего в районе Энкарнасьона на границе с Аргентиной располагались 7 отдельных колоний, а вокруг самого города – до 30 отдельных хуторов (чакр), населенных русскими, которые открыли 5 молочных лавок, карамельную фабрику и технико-коммерческую контору, в которой работали русские инженеры, занимавшиеся составлением планов, проектированием конструкций домов, фабрик, а также распоряжались информацией о продаваемых земельных участках, хуторах, домах¹³.

В Парагвае существовали достаточно благополучные колонии меннонитов и староверов. Русские меннониты образовали здесь 17 деревень (каждая включала от 8 до 27 дворов с населением от 12 до 170 человек)¹⁴. Бежавшие из СССР от коллективизации немцы-меннониты образовали на территории Парагвая в провинции Чако свою колонию «Фернхейн», включавшую 21 деревню (по 20–25 дворов в каждой)¹⁵. В меннонитской общине традиционно царила строгая дисциплина и не подчинявшиеся ей изгонялись; здесь существовала также круговая порука. Язык сохранялся немецкий, община всячески противилась изучению языка страны, в которой жила, чтобы не растерять своих членов. Для сохранения культуры, языка и традиций в меннонитских деревнях были свои школы, помещения которых очень часто служили местом проведения молитвенных собраний. Аналогичный традиционный уклад сохранялся и в старообрядческих поселках на территории латиноамериканских стран. В январе 1935 г. рядом с колонией «Новая Волынь» была основана колония прибывших из Литвы русских старообрядцев «Балтика» (директор колонии П.П. Булыгин, поэт, участник Гражданской войны, принимавший участие в спасении царской семьи, а затем в расследовании ее убийства). В г. Пасадос был образован русский поселок «Урусипукай», в состав которого входили также староверы и выходцы с Волыни (всего 51 двор). Недалеко размещалась немецкая колония Гогенау, где проживал в те годы знаменитый русский врач, лейб-медик императрицы Марии Федоровны профессор Дзирне, к которому приезжали лечиться больные из Аргентины и Бразилии¹⁶.

Русские внесли много положительных перемен в организацию местного земледелия, включая внедрение пахоты, использование бороны. Им принадлежало первенство в разведении клубники, посадке яблонь, вишни, сливы на континенте. Приобретенные участки широко использовались также под пасеки. В свободное время русские колонисты занимались охотой и рыболовством. Вместе с тем следует отметить, что аграрный характер кооперации ставил ее членов в зависимость от конъюнктуры мирового рынка зерна, подвергал значительному риску в связи с мировыми сельскохозяйственными кризисами, падением цен на сельхозпродукты, отсутствием кредита и слабым развитием кооперации, дороговизной железнодорожного транспорта, зависимостью от скупщиков и, наконец, от природных условий.

Сложнее обстояло дело с обустройством представителей белой эмиграции. В отличие от складывавшихся веками меннонитских, старообрядческих общин, они прибывали в страну разрозненными группами со всеми оттенками классов, сословий, вероисповедания, образования, воспитания. Особая заслуга в обустройстве военной (включая казачью) эмиграции в Парагвае принадлежала генералу И.Т. Беляеву, который приехал в Парагвай в 1924 г. Беляев, пригласивший своих соотечественников, преимущественно инженеров, выступил с идеей «патриотической эмиграции», рассчитывая на то, чтобы создать резерв из патриотически настроенных людей для сохранения русской культуры, истории, веры и языка за границей¹⁷. В этих целях им были созданы организация «Русский очаг» и общество «Защиты русского земледельца в Парагвае», которое в соответствии с правительственным декретом было признано юридическим лицом, обеспечивавшим русским колонистам защиту со стороны государства. В то

время как в Советской России велась работа по пропаганде идеи возвращения русской эмиграции и главным образом казаков, «дело генерала Беляева» рассматривалось как контрпропаганда политике репатриации Советов.

Параллельно в Европе от имени генерала Беляева вопросами переселения в Парагвай занималось Русское колонизационное общество в Белграде, созданное А.П. Пилкиным. О целях своей деятельности Пилкин писал: «Мы полагаем, что наша работа имеет двойной смысл и значение: первое, что мы уже отмечали, это сохранение здоровых сил русской эмиграции. Если русской эмиграции будет предоставлена возможность переселения в Южную Америку и поселения там на земле, то в свое время Россия получит оттуда обратно большое число здоровых и ценных во всех отношениях культурных работников. Второе, работа в Южной Америке и тех, которые вернутся в Россию, и тех, которые останутся там навсегда, не пропадет для России даром, создав центр русского национального влияния там, где его никогда не было. В истории других стран мы имеем яркие примеры государственного значения здоровой и материально сильной эмиграции»¹⁸.

Главная проблема колонизационных обществ заключалась в отсутствии средств (кредитов) на осуществление перевозки эмигрантов из Европы в Южную Америку. Активное содействие в ее разрешении оказывал К.Н. Гулькевич, отстаивавший перед МБТ Лиги Наций интересы Русского колонизационного общества в вопросе переправки людей в Парагвай. В своем письме Гулькевичу от 21 июля 1925 г. Пилкин сообщал: «В прошлом году в Парагвае на службе правительства находился всего один русский, генерал Беляев. В настоящее время на службе парагвайского правительства состоят: генерал Беляев, в военном министерстве; генерал Эрн, преподаватель офицерской школы; инженер Шмагайлов, в военном министерстве; инженер Авраменко, департамент инженеров; горный инженер Пятницкий, геолог министерства финансов; инженер-электрик Сахаров, в военном министерстве; капитан 1-го ранга кн. Туманов, инструктор флота; военный топограф Якубовский, департамент инженеров. Незамещенных имеется еще 8 вакансий и ожидается получение дальнейших. Теперь, благодаря Вашему содействию, устранено главное препятствие, и мы в состоянии успешно вести нашу работу в этом направлении. Кредит, представленный нам под Вашу гарантию для этой цели в размере 1 000 долларов, даст нам возможность отправить 8, а в случае предполагаемого майором Джонсоном понижения стоимости переезда через океан 10 лиц»¹⁹. В Асунсьоне, столице Парагвая, образовалась к этому времени русская колония в 57 человек.

К началу 1930-х гг. разразился мировой экономический кризис, который затронул, в первую очередь, «бесподанных русских эмигрантов», их коснулись повсеместные увольнения в европейских странах. Как вспоминал М. Каратеев, оказавшийся в те годы в Бельгии, ему выдали удостоверение с обозначенной там специальностью «инженера-химика» и по тогдашним новым законам он уже не имел права ни на какой другой вид заработка, «даже на продажу на улице газет или шнурков для ботинок». С другой стороны, существовала обязательная для всех европейских предприятий норма, ограничивающая число служащих иностранцев десятью, а позднее и пятью процентами. Во Франции и Бельгии нередки были случаи арестов и высылки безработных русских по обвинению в бродяжничестве²⁰.

Именно в это сложное время генерал Беляев приступил к организации нового этапа массового переселения русских в Парагвай, который после окончания боливийско-парагвайской войны 1932–1935 гг. заметно активизировал свою иммиграционную политику. В Парагвай отправлялись в основном малообеспеченные семьи, ибо здесь в начале 1930-х гг. сохранялось достаточно лояльное иммиграционное законодательство, а также отмечалась дешевизна жизни, в то время как в Аргентину, например, в тот же период въезд был затруднен всем, кроме родственников людей, давно там проживавших.

10 сентября 1933 г. в Париже был создан «Колонизационный центр по организации иммиграции в Парагвай» (почетный председатель центра донской атаман А.П. Богаевский). Образовалась также инициативная группа «Станицы имени генерала Беляева»

по проведению записи желающих отправиться в Парагвай на постоянное место жительства, которая имела соглашение с парагвайским правительством о передаче в распоряжение будущей станице казенных земель (из расчета от 10 до 20 га на каждого казака в полную его собственность), живого и мертвого инвентаря, вооружения. Одновременно в Париже на русском языке начала выходить эмигрантская газета «Парагвай» – печатный орган центрального офиса Колонизационного центра. Размещавшиеся на страницах газеты материалы, включая письма русских переселенцев из Парагвая, призваны были служить информационным источником для тех, кто еще только собирался в далекую страну. К концу 1934 г. в Парагвай были отправлены 6 эмигрантских групп. По некоторым данным, русская колония в столице Парагвая насчитывала к середине 1930-х гг. уже более 400 человек²¹.

При этом у всех был разный опыт обустройства на новом месте и последующей адаптации. М. Каратеев, оказавшийся в Парагвае, привел примеры, как удачно обустроились на новом месте меннониты и сколь печальная участь была у жителей колонии «Надежда» (в составе 32 мужчин, 9 женщин и 4 детей), которую организовал полковник Керманов в ноябре 1934 г. в районе парагвайского г. Консепсьон. Среди проблем, с которыми столкнулись колонисты, было обеспечение поселка водой, а также обзаведение своим огородом, что было чрезвычайно важно, поскольку в районе расселения совершенно отсутствовали такие привычные русскому человеку продукты питания, как овощи и зелень, т.е. огородничеством здесь никто и никогда не занимался. По признанию колонистов, крупным лишением для них оказалась полная оторванность от привычного образа жизни: «О событиях во внешнем мире сведения доходят до нас с трудом, с опозданием на несколько месяцев, и исключительно в письмах знакомых, или в разрозненных номерах случайно попадающих сюда европейских газет»²². В результате вскоре бывшие колонисты из «Надежды» вернулись в Асунсьон, где генерал Беляев, чувствовавший ответственность за судьбу людей, которых позвали в эти земли, помог им с поиском жилья, оформлением необходимых документов и устройством на службу, в том числе в качестве офицеров в национальную армию. Но вместе с тем, по признанию Каратеева, многие русские колонии, зародившиеся одновременно с «Надеждой» и пережившие неизбежные невзгоды первых лет, прочно стали на ноги и достигли относительного благосостояния. Однако это были колонии, основанные крестьянами, «тогда как хозяйства, организованные из городских элементов, почти сразу зачахли»²³.

Несмотря на то что осуществить на практике идею «Русского очага» в Парагвае не удалось, все же следует признать, что русская диаспора в истории этой страны оставила заметный след. А.А. Хисамутдинов привел сведения, помещенные в газете «Новая заря» от 7 апреля 1934 г. о том, что, благодаря генералу Беляеву, на правительственной службе в Парагвае устроились несколько сотен русских: инженерным департаментом (управление путей сообщения и общественных работ) руководил инженер С.С. Бобровский, техническими работами при генеральном штабе – инженер Шмагайло (построивший первый в Парагвае аэропарк и сделавший за 5 лет, по отзыву президента республики, «столько, сколько до него не было сделано за 50 лет»), русскими инженерами во главе с Яковлевым и под руководством Снарского было осуществлено строительство нового порта в Асунсьоне на 17 пристаней; инженеры Каширский и Голубинский строили электростанции, капитан 1 ранга кн. Туманов командовал парагвайским флотом, на котором служил также племянник М.Н. Гирса. Генерал Рейнбот возглавлял почтовый телеграф и радио, 8 русских офицеров командовали пехотными и кавалерийскими полками. Каждого из них генерал Беляев вызывал на заранее приготовленную должность. Но одним из самых выдающихся русских эмигрантов в Парагвае был С.Л. Высоколян, участник Чакской войны, возглавлявший кафедры физико-математических и экономических наук, профессор Высшей военной академии, высшей морской академии и кадетского корпуса. В 1936 г. он стал почетным гражданином Парагвайской республики, был награжден золотой медалью Военной академии им. маршала Ф.С. Лопеса, произведен в чин генерал-лейтенанта, стал мировой известностью в области математики в связи с решением теоремы Ферма²⁴.

Большинство эмигрантов, приехавших в Уругвай в 1920–1930-х гг., первое время работали в сельском хозяйстве. Однако в силу того, что сельское хозяйство в стране было слабо развито и не имело поддержки со стороны государства, а также в силу латифундной системы землевладения многие эмигранты не могли удержаться на земле и уезжали в город. За годы эмиграции многие овладели городскими профессиями, хотя часть из них продолжала работать в качестве чернорабочих. Подавляющее большинство этой категории лиц являлись строительными рабочими (плотники, столяры, арматурщики по железобетону), которые имели к середине 1940-х гг. трудовой стаж в этой области 10–15 лет²⁵.

Процессу адаптации эмиграции в инокультурную среду призвана содействовать правовая защищенность прибывавших в чужую страну беженцев и переселенцев. Ситуация в странах Латинской Америки осложнялась тем, что бывшие официальные дипломатические миссии, в частности русское представительство в Аргентине, не получали после революции необходимых средств, в силу чего эмигрантам рассчитывать на помощь со стороны бывших консульских структур, как это было в странах Европы или США, не приходилось²⁶. Как сообщал в одном из своих писем капитан I ранга Шуберт, перебравшийся в Буэнос-Айрес из Монтевидео в 1920 г., «первым долгом он явился к Штейну (русский посланник в Аргентине. – М.М.), прося его о содействии». Тот действительно «несколько раз снабжал рекомендательными письмами и карточками к влиятельным лицам, хотя не имевшими однако никакого успеха». Материальную помощь Штейн не оказывал, ссылаясь на полное отсутствие каких-либо фондов у миссии. Сам Е.Ф. Штейн в переписке сетовал на «полное отсутствие денежных средств», заметив при этом, что «в распоряжении миссии никогда никаких особых фондов или денежных остатков не было, напротив, миссия сама еще должна около 6 000 песо одному из здешних банков по займу, заключенному по поручению бывшего Временного правительства, для водворения в Россию “жертв царского режима” – всевозможных политических эмигрантов, в число которых включены были Керенский и укрывшиеся здесь бунтовщики матросы с нашего броненосца “Потемкин”»²⁷.

По данным товарища министра иностранных дел Омского правительства В.Г. Жуковского, со времени большевистского переворота в Буэнос-Айресе консульство получало установленные суммы за счет пошлинных сборов, а миссия в том же городе содержалась частью на личные средства посланника, частью же на доходы от церковного дома (около 40 ф.ст. в месяц) и на средства, предоставляемые посланнику православными сирийцами и «Русским Кружком» в Росарио (16 ф.ст. в месяц)²⁸. В годы Гражданской войны частично расходы на содержание дипломатических учреждений несло колчаковское правительство. Однако в смету не были включены представительства, имевшие «источники, на которые могут существовать», на Дальнем Востоке, в странах Южной Америки (в Аргентине, Бразилии, Мексике) и Северной Америке. Представительства в этих странах должны были обеспечиваться за счет «боксерского вознаграждения» и средств Российского государства в США. Тем не менее, Жуковский просил Министерство финансов перевести деньги миссии и консульству в Рио-де-Жанейро, и миссии в Буэнос-Айресе, объясняя это тем, что, «если раньше они получали средства из Вашингтона, то ныне суммы, находившиеся в распоряжении посла нашего в Соединенных Штатах, исчерпаны». Далее Жуковский сообщал, что «посланник в Бразилии А.И. Щербатский (руководивший по совместительству консульством в Мексике) занял 316 ф.ст. у французского консула в Вальпараисо и 214.5 ф.ст. у уругвайского министра иностранных дел»²⁹. Так продолжалось вплоть до октября 1919 г., когда Жуковский был вынужден просить товарища министра финансов перевести «посланнику нашему в Буэнос-Айресе Е.Ф. Штейну по меньшей мере 1 000 фунтов стерлингов ввиду истощения личных средств посланника и крайней нежелательности дальнейшего существования российской миссии за счет пособий, получаемых от частных лиц, частью притом иностранцев»³⁰.

По данным Шуберта, в марте 1921 г. Штейн «был приглашен в Северную Америку, где встречался с послом Бахметьевым, от которого получил деньги для прибывавших

беженцев в Аргентине, и эта сумма была положена в банк на текущий счет сроком на год и трогать их было нельзя». Подобные действия бывшего посланника вызывали неоднозначные суждения в русской колонии. Собрание беженцев из своей среды сформировало «комиссию для контролирования выдачи Штейном пособий», на что последний согласился. В целом, оценивая роль Штейна, Шуберт писал в своем письме в Париж: «Человек он умный, образованный и ловкий... несмотря на травлю его одно время в местных газетах, вдруг, словно по волшебству, прекратившуюся; на торговлю паспортами и проч. Нет никакого сомнения, что он – масон и из крупных, факт, как мне передавали, и не прочь выставить себя сторонником легитимизма в вопросе о будущей монархии»³¹.

Сам Штейн ссылаясь на церковь, которая владела доходным домом, дававшим хорошую ренту, в результате до начала 1921 г. прибыль с него целиком шла на содержание приема и поддержание дипломатической миссии. После перехода церкви в ведение Западно-европейского митрополита Евлогия (Георгиевского), направление расходования средств, имевшихся в распоряжении церкви, изменилось. В постановлении Высшего церковного управления Русской Православной Церкви за границей от 23 ноября (9 декабря) 1920 г., подписанном в Константинополе митрополитом Антонием, говорилось: «Высшее церковное управление... снимает с российского посланника в Аргентине Е.Ф. Штейна все права юридического представителя Церкви в этой стране и передает таковые права в полном объеме настоятелю Православной Церкви в Южной Америке протоиерею Константину Изразцову о том, что даются полномочия представлять перед аргентинскими властями и судами в качестве главы и представителя Русских Православных Церквей в Южной Америке с правом, на основании этих полномочий, покупать и продавать недвижимость, уплачивать и получать всякие деньги для Церкви, принимать пожертвования и наследства в пользу Церкви и т.п.»³². Таким образом, к о. Константину (с 1923 г. протопресвитеру и администратору Русских Православных Церквей в Южной Америке) фактически перешло положение «неофициального российского консула и представителя», оказывавшего правовую, а также финансовую помощь прибывавшим в Аргентину православным священникам, бывшим офицерам и нижним чинам врангелевской армии. Отец Константин участвовал в культурно-просветительских и политических акциях белой эмиграции, на образованный капитал (в 8 тыс. песо) финансировал эмигрантские объединения и организации в начале их деятельности. Он создал «Общество взаимопомощи для инженеров и техников», открыл ночлежный дом для русских иммигрантов, продолжая осуществлять при этом важную миссионерскую деятельность на континенте. При его содействии были созданы приходы и построены русские православные храмы в Парагвае, Уругвае, Бразилии. Эту миссию о. Константин выполнял до 1934 г., когда в Южную Америку с титулом епископа Сан-Паульского и всей Бразилии был назначен Феодосий (Самойлович) для обслуживания всех стран Южной Америки, кроме Аргентины, где русские церкви были оставлены в управлении протопресвитера К. Изразцова.

С прибытием на латиноамериканский континент представителей белого движения значительно расширился спектр политических интересов в среде российской эмиграции, а общественно-политическая жизнь в русских колониях приобрела заметную контрастность. Известно, что уже с конца XIX в. в странах Латинской Америки активно шел процесс развития организованного рабочего движения, который сопровождался распространением марксистских и анархистских идей, проникавших на континент благодаря западноевропейской иммиграции. После революции 1905–1907 гг. в России одним из центров русской политической эмиграции в регионе стала Аргентина. С этой страной связали свою судьбу многие участники восстания на броненосце «Потемкин» (среди которых П.А. Дымченко, Н.И. Иванов, М.С. Шевченко и другие, всего 30 человек). Русские рабочие входили в местные профсоюзы, где имелись общественные библиотеки, при них открывались литературные, музыкальные, драматические кружки и объединения (как, например, «Русский кружок любителей драматического искусства» в Буэнос-Айресе). В 1908–1914 гг. в Аргентине действовали социал-демократические пробольшеви-

ские организации. В это время в Аргентине также находились и занимались политической деятельностью социал-демократы (большевистского толка), участники первой русской революции М.А. Комин-Александровский, Б.З. Шумяцкий, А.С. Гордеев, И.Ф. Глинский, И.И. Яковлев, М.А. Богомолец и др. В 1911 г. была создана аргентинская группа содействия РСДРП, которая своей задачей видела поддержку РСДРП путем развития агитации и пропаганды среди российского пролетариата в Аргентине³³. В августе 1917 г. представители социал-демократического крыла русской политической иммиграции или максималисты, как их называли на Западе (в их числе Комин-Александровский, Шумяцкий, Гордеев, М. Кантор и др.) основали «Союз российских социалистов и рабочих в Аргентине» (СРСРА), который в 1921 г. присоединился к Компартии Аргентины. Союз включал в себя группу содействия РСДРП, Комитет друзей Свободной России, Русскую рабочую группу, Центр российских социалистов, еврейский союз «Поалей» и другие организации рабочих-славян. Союз имел свой печатный орган – газету «Пролетарское слово».

В этот же период действовал «Русский коммунистический союз» (РКС) (печатный орган «Рабочая правда»). Одним из членов группы был политиммигрант-социалист М. Ярошевский, возвратившийся в 1920-х гг. в СССР. РКС в союзе с местными интернационал-социалистами издавал журнал «Документос дель прогресо», публиковавший переведенные на испанский язык документы и материалы из Советской России. В 1918 г. в Буэнос-Айресе была образована Федерация российских рабочих Латинской Америки (ФРРЛА), в которую вошли 6 групп: «Русская рабочая группа» (Буэнос-Айрес), «Союз русских рабочих Бериссо» (провинция Буэнос-Айрес), «Общество русских рабочих Бериссо», «Общество самообразования русских рабочих», «Союз русских рабочих Россарио», а также «Союз русских рабочих Монтевидео» (Уругвай) (печатные издания: газета «Голос труда», выходила с 1918 г., редактор Комин-Александровский; журнал «Коммунист», выходил с 1920 г.).

Созданный в 1919 г. в Москве Коммунистический Интернационал оценивался латиноамериканскими официальными властями как подрывная организация, действовавшая через своих агентов, а также местных профессиональных революционеров с целью распространения коммунистических идей и подготовки революций. За короткий период большевизм стал рассматриваться в этих странах, прежде всего в Аргентине, Бразилии, Мексике, Боливии, как реальная угроза общественному порядку, хотя, как очевидно, степень этой угрозы для латиноамериканского континента была переоценена. Но сам факт создания леворадикальных коммунистических организаций на континенте и установление ими связей с главной коммунистической организацией в Москве заставлял власти в разных странах прибегать к жестким мерам контроля и слежки за всеми подозрительными для предотвращения подрывных действий, как со стороны своих граждан, так и со стороны представителей ряда национальных колоний в своих странах.

Однако наибольшее распространение в рабочем движении латиноамериканских стран 1920–1930-х гг. получил анархизм. В Аргентине он был представлен такими течениями, как анархо-синдикализм и анархо-коммунизм. Сторонники анархистской мысли в среде российской эмиграции выступали за улучшение экономического положения низших слоев эмиграции, создание свободных, независимых объединений, трудовых артелей, общин. Свою задачу они видели в подготовке к социальной революции с целью осуществления в России анархического строя. Сторонники анархо-синдикализма отвергали идею диктатуры пролетариата и потому не признавали новый режим в России. С 1921 г. на позиции анархо-синдикализма встала Федерация российских рабочих Латинской Америки, члены которой отказались от присоединения к Коминтерну. В 1928 г. был основан Союз русских анархистов-коммунистов (печатный орган журнал «Бунтарь»), в 1929 г. – «Группа содействия русских анархистов “Делу Труда”» (анархистской организации русских эмигрантов во Франции) (печатный орган газета «Анархия», выходила с 1930 г.) и группа «Вольная мысль» (печатный орган газета «Вольная мысль», основанная в 1932 г.). После серии арестов и преследований

в 1930 г. появился печатный орган анархистов-безвластников – «Голос из подполья». В том же году в Буэнос-Айресе был образован Комитет помощи анархистам СССР по ссылкам, каторгам и тюрьмам и Комитет помощи музею П. Кропоткина в Москве.

С прибытием на американский континент представителей белого движения официальные власти получили своих союзников в борьбе с политическим влиянием Коминтерна в своих странах. Для русской эмиграции в межвоенный период был характерен широкий диапазон политических пристрастий и форм политической деятельности, хотя, как известно, политика волновала лишь незначительную часть интеллигенции и бывшего офицерства. Это также было справедливо для русской диаспоры в Латинской Америке, где политическая жизнь в среде русской эмиграции была менее активна по сравнению с основными центрами русского рассеяния и где действовали в основном филиалы и отделения основных политических организаций Русского зарубежья, созданных в Западной Европе и Азии.

На общем фоне прореволюционно настроенных эмигрантов после февральских событий 1917 г. в России в Аргентине выделилась небольшая группа из 20 человек, членов «Русского кружка», который после заключения Брест-Литовского мира «при полном равнодушии русской колонии не только заявил о себе как о поборнике верности России ее союзникам, но и определил свое отношение к большевикам»³⁴. «С этого времени, – писал российский посланник Е. Штейн, – “Русский Кружок” в Буэнос-Айресе в силу обстоятельств и своих убеждений неоднократно выступал перед здешними союзными миссиями с аналогичными заявлениями, дав им, равно как и союзным колониям, хотя бы иллюзию того, что так думают и чувствуют вообще проживающие в Аргентине русские»³⁵.

Еще до учреждения «Русского кружка», 1 мая 1917 г. здесь же начала издаваться на средства и попечениями одного из будущих его членов, господина Моисеева, новая русская газета «Свободная Россия», «первоначально исключительно посвященная событиям революционной России и местной жизни, а впоследствии вынужденная силою обстоятельств принять более определенное направление, взяв на себя задачу пропагандирования той же идеи верности России своим международным обязательствам и порицания максимализма, каковая легла в основание “Русского кружка”»³⁶. Некоторое время спустя аналогичное собрание возникло в аргентинском Росарио, которое, как пишет Штейн, «со своей стороны также делало все возможное для поддержания среди союзных консулов и колонии благорасположения к патриотической и корректной части тамошних русских, а среди последних – к пропаганде принципов умеренности и порядка в противовес деятельности здешних русских и иных агитаторов»³⁷.

Русская политическая эмиграция принесла с собой на континент, с одной стороны, национальные идеи, русскую символику, менталитет, с другой – дух политической борьбы и сопровождавшее ее деление по политическим взглядам и партийно-политической принадлежности. Поскольку традиционно в армейской белоэмигрантской среде были сильны монархические настроения, то одними из первых здесь появляются отделения и представительства монархических организаций. Самой крупной из числа союзов и обществ, объединивших вокруг себя военную эмиграцию, был Русский Обще-Воинский союз (РОВС), созданный приказом генерала Врангеля от 1 сентября 1924 г., в соответствии с которым началось формирование отделов РОВС в разных странах (всего было 5 отделов). IV отдел в соответствии с приказом Врангеля объединил общества и союзы, войсковые группы в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, в Греции, а затем охватил Румынию и Бразилию. В мае 1930 г. наряду с VI отделом РОВСа, объединившим эмигрантские военные организации Чехословакии, был учрежден самостоятельный Южноамериканский отдел РОВС, начальником которого был назначен генерал-майор Н.Ф. Эрн, проживавший в Парагвае. Затем здесь возник Союз русских военных инвалидов, который открыл свой инвалидный дом и регулярно проводил благотворительные встречи. 8 октября 1931 г. было основано отделение РОВС в Аргентине (председатель – полковник А.Н. Ефремов), насчитывавший в своем составе 30 человек. Его деятельность, по словам баронессы И. Астрау, заключалась в

ежемесячных собраниях, на которых читались доклады на военные темы, поддержки связи с центральным и другими отделами РОВС, обсуждении возможности пропагандистской антикоммунистической работы и финансовой помощи (за счет членских взносов и доходов, получаемых от закрытых вечеров) военным инвалидам в Европе и издании «Галлиполийского вестника»³⁸. К РОВС в Аргентине примыкали также общества «Русский очаг» (создан в 1926 г., председатель В. Дахин), «Русский сокол» (создан в 1929 г., руководитель В.В. Зуев), «Кают-компания офицеров императорского флота» (куда входили морские офицеры царской и белой армий Л.С. Быстроумов, Б.К. Шуберт, Б.К. Кравченко и др.), «Общество галлиполийцев» (секретарь инженер Н. Запорожцев).

В Бразилии в эти годы также было заметным участие в политической жизни бывших военных из числа русских эмигрантов. В 1925 г. в Сан-Пауло был учрежден Союз русских воинов (председатель В. Нейкирх), который стал основой Бразильского отделения РОВС, образованного в Сан-Пауло в соответствии с распоряжением председателя РОВС от 3 мая 1932 г. Председателем отделения являлся генерал-майор Л. Иванов, заместителем – полковник Генерального штаба Ахаткин; активными членами были полковник Генерального штаба Ружицкий, штаб-ротмистр Угрюмов и др. При Союзе были созданы военно-образовательные курсы (по программе старших полковых школ подпрапорщиков) с преподаванием тактики, топографии, военного искусства, окопного дела; велись строевые занятия. Тогда же было создано местное отделение кавалерии и конной артиллерии РОВС. Русский офицерский союз со штаб-квартирой в г. Санта Катарина (председатель ротмистр С.В. Голубинцев) объединял белых офицеров, также входивших в состав РОВС в Южной Америке³⁹.

В 1930 г. в Уругвае был создан Союз русских комбатантов (председатель капитан, профессор Г.А. Мацырев), ставший в 1932 г. основой отделения РОВС в этой стране. К 1939 г. в Уругвае и Аргентине существовали также отделы Русского национального союза участников войны (РНСУВ), созданного в 1936 г. группой офицеров во главе с генералом А.В. Туркулом, вышедшей из состава РОВС по причине устаревшего к тому времени приказа № 82, запрещавшего членам РОВС вступать в политические организации.

К концу 1930-х гг. РОВС распространил влияние почти на все страны. При этом организации РОВС, находившиеся на значительном удалении от Европы, в частности, в США, странах Латинской Америки, как отмечает В.И. Голдин, в своей деятельности не могли вести непосредственную работу, направленную на СССР, а ограничивались поддержанием взаимосвязей среди бывших военнослужащих, оказанием взаимной помощи, сохранением армейских традиций. Здесь отсутствовала та инфраструктура, которая создавалась в Европе и на Дальнем Востоке (система подготовки и переподготовки офицерства, ячейки, боевые группы и отряды для проникновения в СССР)⁴⁰.

Помимо отделений РОВС действовало отделение «Союза младороссов в Южной Америке», располагавшееся в Бразилии и возглавляемое уполномоченным представителем В. Рюминским. Аргентинскую секцию «Союза младороссов» (имевшую свой печатный орган «Русская газета», основанный в 1932 г., редактор О. Ломоть) возглавил бывший морской офицер, кн. Волконский. Еще одна организация – Российский имперский союз-орден, созданный как боевая единица Высшего монархического совета в 1929 г. (с 1937 г. Российский Имперский орден) (председатель Н.Н. Рузский) также имел отделения и своих представителей в Южной Америке⁴¹. Все эти организации ставили своей задачей сохранение офицерских кадров белой армии, поддержание в них военных знаний для будущей борьбы с советской властью, а также воспитание молодого поколения «в истинно русском духе» с целью «довести его в монархической убежденности до восстановления прежней России».

Неоднородность социально-политического состава представителей зарубежного монархизма обуславливала сложную дифференциацию всего монархического лагеря эмиграции. Споры о выборе формы монархии, в свою очередь, порождали дискуссии о кандидатуре будущего монарха⁴². Значительная часть монархически настроенных

эмигрантов в странах Латинской Америки являлась сторонниками вел. кн. Николая Николаевича, принявшего на себя после организационного оформления РОВС верховное правление зарубежным воинством. Финансовые средства РОВС складывались из сумм, находившихся в распоряжении командования, и состояли из Ссудной казны, вывезенной за границу, средств, которые получала организация от Совещания послов. Но этого было явно недостаточно. В 1924 г. для ведения антибольшевистской борьбы была основана «Казна великого князя Николая Николаевича» и был объявлен сбор средств в нее. Великий князь и его соратники (в частности, кн. Н.Л. Оболенский) развернули эту работу среди своих сторонников в различных странах мира, включая Латинскую Америку.

В своем письме на имя капитана 1-го ранга Б.К. Шуберта кн. Н.Л. Оболенский в мае 1925 г., обращаясь с просьбой организовать офицерство в Южной Америке, писал: «В Чили наши офицеры служат в армии. В Бразилии есть бывший губернатор одной из кавказских губерний Михаил Петрович Поярков. Наконец, в Буэнос-Айресе – почтенный протопресвитер Изразцов. Все это люди наших взглядов и думаю, что могут быть полезны. А поработать есть над чем и кем, особенно имея в виду чрезвычайную многочисленность русских в Южной Америке»⁴³. Тот же Оболенский предлагал в другом своем письме от 14 июля 1928 г. завязать «связь с русскими в Панаме и Никарагуа, привлекая их к сборам в Особую казну»⁴⁴.

И действительно, часть офицеров, оказавшихся в странах Латинской Америки, поддержала вел. кн. Николая Николаевича и программу созданного им в 1926 г. Зарубежного съезда. Но проблема заключалась в оторванности русских, проживавших на далеком континенте, от европейских стран, в ограниченности доступа к информации о событиях, которые происходили в политической жизни находившейся там военной и политической эмиграции. Тем не менее был налажен канал обмена информацией между вел. кн. Николаем Николаевичем и кн. Н.Л. Оболенским, с одной стороны, и представителями белого воинства в Аргентине, Парагвае, Бразилии, Коста-Рике. Поступая по одному из каналов, информация далее распространялась уже внутри континента. Так было с текстом «Обращения Зарубежного съезда 1926 г. ко всем народам мира», перевод которого на испанский язык, сделанный председателем Союза русских воинов в Аргентине полковником Цокуном, был переправлен помимо Буэнос-Айреса в Асунсьон, Монтевидео и на португальском языке в Рио-де-Жанейро с целью его размещения в местной прессе. Присланная кн. Оболенскому в Париж вырезка из парагвайской газеты «Diario» от 28 сентября 1926 г. с текстом Обращения свидетельствовала о поддержке монархических сил со стороны представителей белого воинства в Парагвае. Документ был опубликован, как отмечалось, «при благосклонном участии генерала Эрнана и капитана 1-го ранга князя Туманова». В Бразилии аналогичную поддержку Зарубежному съезду высказали председатель Русского национального кружка св. Николая в Рио-де-Жанейро генерал П. Крассовский-Добров, полковник А.А. Позняк. Кроме того, из Аргентины пришло сообщение о вступлении капитана 1-го ранга Шуберта и воинских чинов, проживавших в Буэнос-Айресе, в образовавшееся после съезда «Зарубежное патриотическое объединение», и о создании соответствующего отдела этого Объединения в Аргентине. И хотя офицеры понимали, что уже не осталось никакой армии, тем не менее было решено говорить не об этом, а о том, что «надо сохранить власть до того момента, пока Армия-фикция станет Армией-спасительницей Отечества»⁴⁵.

Одновременно часть русского офицерства в странах Латинской Америки откликнулась на призыв великого князя об оказании помощи возглавляемому им движению путем организации сбора средств для Ссудной казны, который начался еще с конца 1923 г. Как видно из переписки, из Аргентины пожертвования приходили регулярно (по крайней мере, вплоть до смерти вел. кн. Николая Николаевича). Организацией сбора пожертвований в течение нескольких лет занимался капитан Шуберт, который высылал в течение 1927–1928 гг. по 300–350 франков ежемесячно⁴⁶. Также в начале 1927 г. официальное обращение с просьбой принять деятельное участие в сборах в

Особую казну было направлено в адрес бывшего российского консула в Аргентине Е.Ф. Штейна и служившего здесь протопресвитера Константина Изразцова.

В рескрипте для Штейна высказывалось пожелание, чтобы он взялся за организацию под своим председательством комитета, в котором «русские беженцы нашли бы и справочное бюро, и разрешение вопроса об их устройстве в Аргентине, и приискание труда, и обеспечение воспитания своих детей, и удовлетворение других насущных потребностей», что одновременно позволило бы поставить и вопрос «об обязательных ежемесячных взносах и отчислениях из них известного процента в особую казну». Как следует из переписки, бывший российский консул ответил великому князю согласием, выразив полную готовность выполнять его поручения⁴⁷.

Однако реальную помощь движению оказывал проживавший в Аргентине генерал А.В. Шварц, которому весной 1928 г. вел. кн. Николай Николаевич сделал личное предложение «стать во главе комитета по сборам» и «создать ячейки свои в различных местах расселения русских в Аргентине», что, по мнению великого князя, должно было «усилить приток пожертвований, чему порукой было как положение, занимаемое здесь генералом, так и знакомства и связи в местном обществе»⁴⁸. В письме от 25 марта 1928 г. кн. Оболенскому генерал Шварц сообщал, что «пожелание об увеличении сборов в Аргентине» он выполнил, решив со своими единомышленниками, что «все будут вносить ежемесячно, кто что может», а деньги будут пересылаться казначеем Шубертом «по четвертям года, т.е. в конце марта, июня и т.д.». В письме от 26 октября 1928 г. Оболенский подтверждал, что сборы по Аргентине продолжали возрастать и что на этот раз переведенный оттуда взнос выразился в сумме 1 тыс. франков⁴⁹. При этом кн. Оболенский особо отмечал участие в сборах протопресвитера К. Изразцова: «Я продолжаю хранить твердое убеждение, что сборы могут расти и далее лишь бы не жертвователям пришлось бы идти, чтобы их делать, а кто-то дал себе труд за этими сборами идти к ним. Результаты живого слова отца протопресвитера в церкви в этом отношении весьма показательны, собранная же им сумма – 1 225 фр. сама говорит за себя»⁵⁰.

И, наоборот, в одном из писем генералу Шварцу (от 7 ноября 1927 г.) кн. Оболенский высказывал сожаление по поводу посланника Штейна: «Не получаю никаких сведений и от Е.Ф. Штейна, если не считать его короткого последнего письма, на днях полученного, в котором он пишет о том, что ему не удалось заинтересовать аргентинскую печать изложением взглядов великого князя». «Это, конечно, не имеет существенного значения, – писал далее Оболенский, – так как Аргентина действительно далеко, мало теперь связана с Россией и политически в русском вопросе, конечно, отнюдь не призвана сыграть какую-либо роль. Но сам по себе факт такого индифферентизма наводит на печальные размышления... Если Е.Ф. Штейн действительно приложил старания и добивался напечатания, то этот его неуспех приходится понимать как оставление всяких надежд на возможность изыскания тем более денежных средств в Аргентине»⁵¹.

Удалось установить также факт личной переписки между вел. кн. Николаем Николаевичем и генералом-майором И.Т. Беляевым в Парагвае. В 1926 г., обращаясь к последнему с просьбой как-то «оживить идею сбора и расширить круг его участников», великий князь получил из Парагвая письмо-обращение за подписью И. Беляева и 10 его соратников, в том числе капитана 2-го ранга К. Туманова, капитана И. Оранжевеева, гвардии капитана Г. Бенуа, капитана В. Лобанова и других, в котором говорилось: «Накануне съезда представителей Зарубежной Руси осмеливаемся вновь принести Вам изъявление нашей глубокой уверенности, что только под Вашим руководством Россия вернет себе былую славу и мощь, навсегда стряхнув иго интернационала и избавившись от векового гнета соперничающих народов. Вам, Ваше Императорское Высочество, как истинному выразителю чаяний русского народа, всецело вверяем мы наши голоса, готовые по слову Вашему явиться, как предки наши в былое время, людными, конными и оружными, на защиту Родины»⁵².

Свою поддержку вел. кн. Николаю Николаевичу и его усилиям по консолидации эмиграции высказал в Коста-Рике П. Гордиенко, в прошлом участник Гражданской

войны, доброволец-вольноопределившийся 7-го гусарского Белорусского императора Александра I полка, прибывший в эту страну в 1928 г. (его потомки живут там и сегодня). Гордиенко женился на дочери одного кофейного плантатора, после чего сам стал управляющим на плантации вблизи столицы Сан-Хосе. Как сообщал Гордиенко в письмах кн. Оболенскому в Париж, в Коста-Рике он встретил нескольких русских, революционно настроенных, что сразу исключило какой-либо его контакт с ними. В соседней Панамской республике также проживали русские, занимавшиеся большей частью коммерцией, и несколько человек служили в американских воинских частях по охране Панамского канала. Кроме того, «по слухам», как писал Гордиенко, в армии генерала Сандино в Никарагуа, который вел борьбу против США, также были русские⁵³.

Сам Гордиенко занимал в те годы активную антисоветскую позицию, являясь членом Русского общества друзей международной Лиги борьбы с большевизмом или Лиги Обера (по имени ее руководителя адвоката Т. Обера), которая имела свои центры во многих странах, включая некоторые государства Южной Америки. Быстро научившись объясняться по-испански, Гордиенко активно сотрудничал с местной прессой, помещая на ее страницах «разоблачительные» статьи о работе советского правительства. Одновременно по мере своих возможностей откликался на просьбы вел. кн. Николая Николаевича, Гордиенко принимал участие в конце 1920-х гг. в сборе средств для Особой казны. Хотя суммы были достаточно скромными (от одного до нескольких долларов), тем не менее, как видно из переписки Гордиенко с кн. Оболенским, в тех условиях и это рассматривалось как значительный вклад в общее дело «спасения Родины». При этом именно к Гордиенко в письме от 14 июля 1928 г. Оболенский обращался с предложением «завязать связь с русскими в Панаме и Никарагуа, привлекая их к сборам в Особую казну», отправив одновременно сюда несколько обращений, составленных по указанию вел. кн. Николая Николаевича для оживления сборов⁵⁴. Таким образом, монархические идеи продолжали жить и какое-то время питать политическую мысль русского военного зарубежья в странах латиноамериканского рассеяния, хотя программные и организационные задачи, которые ставились его лидерами, были решены к концу 1920-х гг. лишь частично.

Еще одним течением, которое нашло своих сторонников в странах Латинской Америки, стал русский фашизм. Первые организации фашистского толка в эмигрантской среде появились уже во второй половине 1920-х гг., вслед за организационным оформлением фашистского движения в Харбине в 1925 г. и созданием здесь Русской фашистской организации (РФО). Первая фашистская группа была создана в Аргентине Г.Ф. Башировым (сыном известного саратовского хлебного миллионера), который стал одновременно издателем и редактором газеты «Русь», и Воронцовым-Веняминовым. Еще одна группа была создана В.В. Шапкиным, бывшим министром Донского правительства, полковником армии генерала П.Н. Краснова. В некоторых странах Латинской Америки, куда расселились казаки, имелись ячейки партии «Рабоче-крестьянская казачья оппозиция», или «Русские фашисты», которая была создана в конце 1926 – начале 1927 г. в Харбине кубанским казаком П.С. Ковганом с «целью свержения узурпаторов жидо-коммунистов, поработивших Россию и русский народ», и «восстановления полного народоправства и самоопределения народов».

В 1930-х гг., как известно, многие правые в среде русского воинства начали высказывать свои симпатии Германии, с которой связывали надежды на освобождение России. Сторонниками фашистской идеологии в странах Латинской Америки помимо русских офицеров выступала некоторая часть рабочих, а также часть бывших солдат Добровольческой армии, которым обещались земли в кубанских степях, когда фашисты Германии помогут освободить Россию от засилья большевизма.

После образования Русской фашистской партии (РФП) К.В. Родзаевского в 1931 г. ее отделения появились в ряде латиноамериканских стран с характерной для этой организации структурой, включавшей в себя фашистские ячейки, которые объединялись в более крупные подразделения, называемые «очаги» или отделы. После раскола в РФП

и образования Родзаевским Российского фашистского союза его отделы и ячейки были созданы в Бразилии, Аргентине, Парагвае и Чили⁵⁵. В те годы в Бразилии, в Сан-Пауло, выходили профашистские издания, в частности, газета «Призыв» (редактор В.Н. Антипин), «Младоросское слово» (редактор Ю. Рюминский). В июле 1937 г. Родзаевский с оптимизмом писал: «Харбинский “Наш путь”, парижский “Сигнал”... нью-йоркская “Россия”, бразильский “Призыв” понимают друг друга с полуслова и, не сговариваясь, ведут одну и ту же генеральную линию. Это значит, что единый Национальный фронт живых сил эмиграции образовался сам собой, и осталось его оформить надлежащими организационными рамками»⁵⁶.

Новый толчок русскому фашистскому движению в странах Латинской Америки был дан созданием в 1933 г. в США Всероссийской фашистской организации (ВФО) во главе с Н.А. Вонсяцким. Объявив своим вождем Вонсяцкого, Бразильский сектор ВФО при этом сохранил в своей идеологии антисемитскую и антимасонскую риторику, более свойственную для дальневосточной ветви русского фашизма. Начальником Бразильского сектора ВФО, насчитывавшего не более 100 человек, стал Н. Дахов, начальником штаба полковник А.В. Кушелевский. Во главе Казачьего отдела сектора стоял генерал-майор И.Д. Павличенко. Бразильский сектор ВФО делился на группы, руководителем одной из которых в Рио-де-Жанейро был полковник кн. Л.С. Святополк-Мирский. В число активистов фашистского движения в Бразилии входил Е.М. Нагаец (войсковой старшина собственного Ее Величества конвоя, последний адъютант вдовствующей императрицы Марии Федоровны). «Очаги» Бразильского отдела ВФО были созданы также в Аргентине и Уругвае⁵⁷. Хотя связь с вождем очень быстро прервалась, Н. Дахов и его соратники прилагали максимум усилий для развития русского фашистского движения в Южной Америке. 1 апреля 1934 г. в Сан-Пауло состоялось первое публичное заседание (в некоторых материалах именуемое съездом) Бразильского сектора ВФО, участниками которого были преимущественно бывшие военные. Решением съезда устанавливалась специальная форма русских фашистов и был принят образец фашистского знамени, которое шилось из бело-сине-красного шелка в виде русского национального флага. В верхней правой стороне у древка знамени располагался вышитый шелком и золотом двуглавый орел с трехцветной свастикой на груди. На другой стороне знамени был вышит восьмиконечный православный крест⁵⁸.

Пропаганда фашистских идей осуществлялась через печатные издания, в частности через «Русскую газету» (редактором и издателем которой являлся Дахов), а также через журнал «Вестник», издание местного отделения кавалерии и конной артиллерии РОВС, большинство членов которого симпатизировали фашистской идеологии. Активизация деятельности по распространению фашистских идей среди эмигрантов в странах Латинской Америки предполагала также устройство постоянного штаба, читален. Появилась специальная должность начальника отдела политической пропаганды штаба Бразильского сектора ВФО. Им стал авангардист В.Г. Томашинский, еще один из основателей русского фашизма в этой стране. Однако лишенное национальной почвы, это движение в странах континента, как и в среде Русского зарубежья в целом, не получило широкой поддержки. Национал-патриотическая пропаганда и антисемитизм не способствовали их популярности в среде русской диаспоры, хотя само существование русского фашизма предопределило политический раскол эмиграции в странах Латинской Америки в годы Второй мировой войны и стало одной из причин противостояния в ее рядах в послевоенный период.

Помимо политических организаций в странах латиноамериканского рассеяния продолжили свою деятельность русские благотворительные организации. Среди них выделялись в первую очередь аргентинское отделение Русского общества Красного Креста (старой организации), уполномоченным которого выступал протопресвитер Константин Изразцов, Общество инвалидов Первой мировой войны. Среди профессиональных организаций представителей так называемой техноэлиты, действовавших в отдельных странах Латинской Америки, были известны такие объединения, как «Русское технико-промышленное общество» и «Союз дипломированных инженеров» в

Бразилии; «Союз русских инженеров» и «Общество взаимопомощи для инженеров и техников» в Аргентине, «Техническое общество» в Парагвае и др.

Несмотря на наметившуюся в 1930-х гг. частичную интеграцию с латиноамериканским обществом и адаптацию к новым условиям, русская диаспора послереволюционной волны не допустила в своих рядах ассимиляции и сохранила еще на многие годы основные этнические признаки – язык, религиозные верования, национальное самосознание. Наряду с Русской Православной Церковью и различными институциональными структурами, многое для объединения русских в Южной Америке было сделано русской печатью, помогавшей эмигрантам сохранять язык и родную культуру.

Первая русская газета «Слово» появилась в Аргентине еще в 1904 г. После 1917 г. в Буэнос-Айресе продолжала выходить еженедельная прогрессивная экономическая газета «Новый мир», основанная в 1912 г. писателем и общественным деятелем А.Я. Павловским. После 1917 г. в странах латиноамериканского рассеяния выходило значительное количество различных по политической направленности периодических изданий. В их числе газета «Русский в Аргентине» (основана в 1929 г., редактор инженер Г.М. Киселеский; издатель – С.И. Стапран); «Русская газета» (редактор О. Ломоть).

Свой печатный орган газету «Голос труда» имела в 1918–1930 гг. Федерация русских рабочих организаций в Южной Америке. В 1923 г. по инициативе Н. Чоловского в Буэнос-Айресе начала издаваться первая антикоммунистическая газета на испанском языке «*Rusia Trágica*» («Трагическая Россия»), хотя вышло всего 4 номера тиражом 5 тыс. экземпляров. В 1932 г. Чоловский начал издавать журнал «Сеятель», который с некоторыми перерывами продолжал выходить еще в течение 50 лет, вплоть до конца 1980-х гг. Сам журнал по-разному был встречен русской эмиграцией: левые считали Чоловского белогвардейцем, белым эмигрантам он казался революционно настроенным автором, тем более что Чоловский начал кампанию по сбору средств для Н. Махно, голодавшего в Париже. Чоловский находился в переписке с известным народным просветителем Н.А. Рубакиным, проживавшим в то время в Швейцарии, который помогал издателю советами, присылал книги для распространения среди эмигрантов (от учебников по математике и физике до произведений русской и зарубежной художественной литературы). Журнал выполнял важную культурно-просветительную функцию, публикуя на своих страницах материалы о Л. Толстом, Т. Шевченко, С. Есенине, академике И. Павлове и др., но одновременно на его страницах появлялись рассказы о народовольцах, русских анархистах, которых Чоловский считал борцами за благо народа, публиковались критические статьи о политических событиях в Советской России, связанных с террором, голодом. В 1939 г. Чоловский опубликовал известное письмо И.В. Сталину Ф. Раскольникова, сам с осуждением высказался о пакте Молотова–Риббентропа. Став в результате ярким антикоммунистом, после Второй мировой войны Чоловский активно выступал против репатриации соотечественников в СССР (готовил плакаты, распространял листовки в порту среди уезжавших с призывом одуматься)⁵⁹.

Русское печатное слово в Бразилии появилось позже, чем в Аргентине. Одним из инициаторов издания первой газеты стал бывший офицер-врангелевец С.К. Успенский, предложивший летом 1926 г. бразильской газете «Фолья да Манья» открыть раздел на русском языке. Первая статья на русском языке «Пять лет», посвященная годовщине массового приезда врангелевцев в Бразилию, появилась в июле 1926 г. Русский отдел существовал полтора года, пока в декабре 1927 г. другой бывший врангелевец начальник Бразильского сектора ВФО Дахов, знакомый Успенского, не предложил ему издавать вместе «Русскую газету». Свое, хотя и нерегулярное издание, в 1930-х гг. имели младороссы – газету «Младоросское слово» (редактор Рюминский). Одной из первых русских газет в Монтевидео (Уругвай) была газета «Свободная Россия» (основана в 1919 г.). Здесь издавались также газеты «На чужбине» (1932 г., редактор С.Н. Попов), «Славянин» (1934–1935 гг.), которые, однако, были недолговечными⁶⁰.

Особенность первой волны русской эмиграции в страны Латинской Америки была обусловлена своеобразием социально-экономического и географического положения

этих стран, отсутствием дипломатических отношений большинства из них с Советской Россией на протяжении всего рассматриваемого периода, а также численностью и составом, некоей «периферийностью» положения русской эмиграции относительно основных центров Российского зарубежья. Тем не менее по уровню образования и культуры, политических и корпоративных связей этот состав русской эмиграции заметно превосходил уже сложившуюся к тому времени на континенте российскую дореволюционную (главным образом трудовую) эмиграцию, благодаря чему складывались предпосылки для создания культурно-просветительных, общественно-политических, профессиональных организаций в странах латиноамериканского рассеяния, сохранявших основные этнические признаки – язык и национальное самосознание, лежащие в основе такого понятия, как «Русский мир».

Примечания

¹ Совет по расселению русских беженцев: Материалы по эмиграции (Бразилия, Аргентина, Канада). Вып. 1. Константинополь, 1921. С. 24.

² Там же. С. 24–25.

³ Бюллетень Российского Земско-городского комитета помощи беженцам. 15 мая 1921 г. № 3–4, л. 48–49.

⁴ Бочарова З.С. «Не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е гг. СПб., 2005. С. 122.

⁵ Там же. С. 139.

⁶ ГА РФ, ф. 6094, оп. 1, д. 108, л. 4.

⁷ Лихоманов И.Ф. Мои воспоминания (Библиотека – фонд Русского зарубежья (далее – БФРЗ), ф. 1, оп. 1, д. М-237, кн. 5, с. 1627–1628).

⁸ Совет по расселению русских беженцев... С. 1618.

⁹ БФРЗ, ф. 1, оп. 1, д. М-237, кн. 5, с. 1641.

¹⁰ Там же, с. 1769.

¹¹ Там же, с. 1972.

¹² Там же, с. 1659.

¹³ Буэнос-Айрес – Асунсьон: 1935 г. Буэнос-Айрес, 1935. С. 53.

¹⁴ Там же. С. 30.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 40.

¹⁷ Мартынов Б. Русский Парагвай: Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. М., 2006. С. 99.

¹⁸ ГА РФ, ф. 6094, оп. 1, д. 96, л. 9.

¹⁹ Там же, л. 17.

²⁰ Каратеев М. По следам конквистадоров: История группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая. М., 1991. С. 9.

²¹ Иллюстрированная Россия (Париж). 1935. 22 июня.

²² Каратеев М. Указ. соч. С. 46.

²³ Там же. С. 233.

²⁴ Хисамутдинов А.А. В Новом Свете, или История русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. Владивосток, 2003. С. 143–144.

²⁵ АВП РФ, ф. 0133, оп. 15, п. 105, д. 10, л. 16.

²⁶ ГА РФ, ф. 6532, оп. 1, д. 2, л. 36.

²⁷ Там же, л. 100 об.

²⁸ Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008. С. 38.

²⁹ Там же. С. 142, 144.

³⁰ Там же. С. 244.

³¹ БФРЗ, ф. 2, оп. 1, карт. № 6, д. 67, л. 9–10 об.

³² ГА РФ, ф. 5680, оп. 1, д. 114, л. 17.

³³ Черненко А.М. Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX в. – 1917 г.). Киев, 1983. С. 122.

- ³⁴ ГА РФ, ф. Р-5806, оп. 1, д. 7, л. 9.
- ³⁵ Там же, л. 9.
- ³⁶ Там же, л. 9 об.
- ³⁷ Там же, л. 7.
- ³⁸ *Окороков А.В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. Справочник. М., 2003. С. 122.
- ³⁹ Там же. С. 106, 123.
- ⁴⁰ *Голдин В.И.* Русское военное зарубежье в XX веке. Архангельск, 2007. С. 58.
- ⁴¹ Там же. С. 55.
- ⁴² *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия.* М., 2009. С. 124.
- ⁴³ БФРЗ, ф. 2, оп. 1, карт. № 9, д. 68, л. 1.
- ⁴⁴ Там же, л. 5 об.
- ⁴⁵ Там же, карт. № 3, д. 25, л. 1, 4.
- ⁴⁶ Там же, карт. № 6, д. 67, л. 11–13, 15.
- ⁴⁷ Там же, карт. № 9, д. 69, л. 7–10 об.
- ⁴⁸ Там же, л. 6.
- ⁴⁹ Там же, д. 68, л. 13.
- ⁵⁰ Там же, л. 13.
- ⁵¹ Там же, л. 9.
- ⁵² Там же, карт. № 2, д. 49, л. 67.
- ⁵³ Там же, карт. № 6, д. 37, л. 5 об.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Окороков А.В.* Указ. соч. С. 91.
- ⁵⁶ *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Изд. 2. Т. 1. М., 1994. С. 263.
- ⁵⁷ *Окороков А.В.* Указ. соч. С. 14–15.
- ⁵⁸ Всероссийская Фашистская организация. Бразильский сектор: Второе публичное заседание русских фашистов. Сан-Пауло, 22 апреля 1934 г. Сан-Пауло, 1934.
- ⁵⁹ Михайлов день 1-й: Журнал исторической России. Ямбург, 2005. С. 190–192.
- ⁶⁰ *Хисамутдинов А.А.* Указ. соч. С. 147.

© 2010 г. А. А. ПРОНИН *

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 1980–2005 годов

Термином «российская эмиграция» в данной статье обозначаются все оставившие страну граждане (подданные) Российского государства в разные периоды его истории (Российская империя, РСФСР, СССР, Российская Федерация), уехавшие за рубеж на постоянное жительство либо оказавшиеся за пределами Родины на более или менее длительный срок. Под понятием «российское зарубежье» мы подразумеваем всю сферу, связанную с деятельностью и пребыванием наших соотечественников за рубежом. Таким образом, этот термин предполагает изучение не только миграционных процессов, что позволяет существенно расширить рамки темы. В ходе работы были выявлены названия и выходные данные авторефератов диссертаций по теме «российская эмиграция», увидевших свет на территории РСФСР/России с 1980 по 2005 г. При этом авторефераты, опубликованные по данной теме в 1980–1991 гг. на территории других союзных республик, не учитывались. Поиск осуществлялся по издаваемой Всесоюзной (Российской) книжной палатой серии государственных библиографических указателей «Книжная летопись. Дополнительный выпуск. Авторефераты диссертаций» (1981–1992) и «Летопись авторефератов диссертаций» (1993–2005; 2006, № 1–4)».

* **Пронин Александр Алексеевич**, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).